

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Борис Голлер. Синий цвет вечности. СПб.: Алетейя, 2021. — 408 с.

Не роман-биография, не роман-исследование, а просто роман, главный герой которого поэт Михаил Лермонтов (1814—1841). В центре композиции романа последний отпуск, предоставленный Лермонтову в 1841 году после тяжелых боев на Кавказе. В первых числах февраля 1841 года поэт прибывает в Петербург. Светская жизнь, бал у Воронцовых-Дашковых, салон Софьи Карамзиной... И слухи, слухи, слухи. Подоплека дуэли Пушкина и Дантеса, дуэли Лермонтова и Баранта.хлопоты бабушки о прощении внуку, хлопоты высокопоставленной, близкой ко двору старшей родни Арсеньевых и Столыпиных о помиловании поэта. Все бесполезно. Уже через два месяца, 11 апреля 1841 года ему приказано покинуть столицу в течение двух суток и отбыть на Кавказ. Накануне отъезда гадалка, что предрекла скорую смерть Грибоедову и Пушкину, сказала Лермонтову, что больше в Петербург он не вернется и скоро его ожидает совсем другая отставка. Отъезд из Петербурга, несколько дней в Москве, потом Пятигорск, дуэль с Мартыновым, однокашником по школе гвардейских подпрапорщиков. И смерть. Действие постоянно перетекает в прошлое, «скачет» по временным отрезкам. Поворотный момент в судьбе поэта Лермонтова — отклик на гибель другого поэта, Пушкина, и наказание за «крамольные» стихи «Смерть поэта» (задели при дворе последние шестнадцать строк), недолгая — благодаря хлопотам бабушки — ссылка на Кавказ. В феврале 1840 года дуэль с сыном французского посла Барантом, и перевод Лермонтова обратно на Кавказ в Тенгинский пехотный полк в одно из самых опасных мест войны. Кровопролитная битва при Валерике, где Лермонтов был связным между генералом Галафеевым и частями Куринского и Ширванского полков. Важные для Лермонтова встречи и беседы. 1836-й, Елагин остров, где Лермонтов и А. Столыпин невольно стали свидетелями разговора Пушкина с женой. Встреча в Москве с генералом М. Ермоловым, воплощающим в себе историю страны с ее пожарами и победами; спор с публицистом и философом-славянофилом Ю. Самаринным о том, отдельная ли цивилизация Россия; единственная встреча и разговор с Гоголем на его именинах («Встретились два одиночества русской культуры — может, самых больных, самых одиноких!»). Кавказские встречи с участниками декабристских событий. Один из них, Лихарев, в битве при Валерике погиб рядом с Лермонтовым. Любимые и любящие женщины Лермонтова: Катись Сушкова, Варенька Лопухина (Бахметова) — прекрасная дама Лаура и петраркиева страсть без желания, Софья Вильегорская, в замужестве Соллогуб, Мария Щербатова, Софья Карамзина, поэтесса Евдокия Ростопчина (Додо), с которой у Лермонтова в последний отпуск завязывается бурный роман. И Катя Быховец, встреченная в Пятигорске юная родственница поэта, возможная, но несостоявшаяся судьба. Борис Голлер пишет и о том, где, как, в каких условиях рождались ставшие хрестоматийными строки стихов поэта: «Люблю Россию я, но странною любовью», «Выхожу один я на дорогу», «На севере диком стоит одиноко». И как создавалась — незавершенная — фантастическая повесть о доме с привидениями «Штосс», своеобразный палимпсест по «Портрету» Гоголя. Разные времена «сталкивает лбами» («а времена тем и отличаются, что сменяются быстро») в своих записках (вымысел Голлера) и Алексис Столыпин, Монго, двоюродный дядя и друг М. Лермонтова, бывший на два года старше поэта. Начиная с юнкерской школы они почти всегда были рядом. Вместе проживали и в Пятигорске в последние месяцы перед дуэлью, на которой Столыпин был негласным секундантом поэта. «„Автор недавно погиб на дуэли, причины которой остались неясными“... Я вижу, как, дописав (уже металлическим пером) последнюю строчку примечания, он

прячет листки в бювар на столе, на темной кожаной одежке коего оттиснуто золотом: „СТОЛЫПИН АЛЕКСЕЙ АРКАДЬЕВ“. Потом снова приоткрывает бювар и перебирает бессмысленно пустые конверты в нем... Некому писать письма. „Причины остались неясными“. А что ясно в этом мире? А ничего не ясно!» Париж, 1843 год. Красавец Алексей Столыпин лечится от безнадежной тоски, «от длительной, утомительной и поработительной связи» с графиней Воронцовой-Дашковой, проживает еще один неудачный роман с француженкой и вспоминает Лермонтова. «И все, чему он научил меня в жизни, и пытаюсь осмыслять уроки прошедшего и сегодняшнюю жизнь, что течет мимо меня и ставит передо мною свои загадки». Он сделал все, что мог, для покойного друга — даже перевел его роман «Герой нашего времени» на французский язык. «Записки» Столыпина, роман в романе, перебивают основной текст. В записках находится ответ на вопрос, почему Лермонтов был исключен из всех наградных списков и отправлен снова на Кавказ. В разговоре с А. Столыпиным воспитатель младших великих князей Философов поясняет, что государь недоволен не самой дуэлью, а Мишей. Государю не понравился «Герой нашего времени». «Государю не хочется думать, что в его кавказском корпусе воюют одни какие-то недостойные люди. Или грушницкие, или драгунский капитан... Или Печорины — это уж совсем никуда не годится. Крадут горских девушек, помогают украсть коня... обманывают девиц на водах. И все для успокоения собственного эгоизма. От разочарования в жизни. А чем они так разочарованы? Начитались „клеветников России“?» Ключ к роману в тезисе, помещенном Лермонтовым в предисловии ко второму изданию «Героя нашего времени»: «История души человеческой, хотя бы и самой мелкой души, едва ли не любопытней и не полезнее истории целого народа». «А душу можно ль рассказать?» — вопрошает герой Лермонтова Мцыри. Б. Голлер поставил перед собой невысказанную, казалось бы, задачу: на фоне нравов и раскладов эпохи раскрыть душу поэта, душу сложную, неоднозначную. В этой эпохе «поэты русские свершают жребий свой, Не кончив песни лебединой!» (Е. Ростопчина). И на Крымской войне, на 4-м бастионе говорит Столыпин молодому графу (читай Лев Толстой): «Таких, как Пушкин, как Лермонтов — не надо стараться специально убивать! Достаточно создать эпоху, в которой убьют их само собой!» От Пушкина осталось семьсот восемьдесят шесть писем к разным лицам (не считая тех, что лишь приписываются ему). От Лермонтова всего 54 письма, среди которых короткие записки, вроде просьбы к кому-то одолжить пса для случки... Б. Голлер, знаток эпохи, автор драмы «Венок Грибоедову», романа «Возвращение в Михайловское» в четырех книгах, драмы «Плач по Лермонтову», эссе «Лермонтов и Пушкин», «Две дуэли», пополнил свою эпопею книгой о Лермонтове.

Инна Быкова. Жизнь и смерть в «Дакоте». СПб.: Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга, 2021. — 352 с.

Роман в форме внутреннего монолога легендарного основателя ансамбля «Битлз» Джона Леннона (1940–1980). Последние месяцы жизни одного из самых популярных музыкантов XX века. Он обитает с женой Йоко Оно и сыном Шоном на седьмом этаже фешенебельного здания «Дакота» в Нью-Йорке. Монотонное житье. Ранний подъем и непрменный кофе; просмотр телевизора, часто с выключенным звуком, чтобы составить собственное, непредвзятое мнение об увиденном; возня с пятилетним сыном, с кошками, общение с секретарем и няней сына. Изредка и с женой — она постоянно занята. Йоко Оно ведет совместные финансовые дела, и некий блондин интересуется ее больше, чем муж. Монотонное бытование нарушают поездка в загородный дом, покупка яхты и выход в море, и кругосветное путешествие, организованное Йоко Оно для мужа. И главное — студийная работа: запись после пятилетнего молчания нового альбома, вышедшего за три недели до трагической гибели Леннона. Альбом «Двой-

ная фантазия» по решению Йоко стал совместным, в нем идет чередование песен жены и мужа. Йоко заявила, что альбом Леннона раскупят в любом случае, а ее — единицы: друзья, родственники, любители раритетов. Сам Джон был вдохновлен и полон сил. В потоке сознания Джона Леннона перемешаны (без соблюдения хронологии) воспоминания и размышления. О детстве под крылом высоконравственной и суровой тетушки. О рождении и становлении группы «Битлз». О своих песнях и партнерах в эпоху благополучия и разрыва, об отношениях с ними тогда и теперь. Пол Маккартни, Джордж Харрисон, Ринго Старр. Джон Леннон размышляет о поп-музыке и ее исполнителях, о своих кумирах — Ван Гоге и Рембо. Он вспоминает о первом браке и много думает о Йоко, женщине с изюминкой и с безуминкой, суровой и бескомпромиссной, как его тетушка, и бесшабашной, как его мать. Женщиной жесткой и рациональной, но окруженной астрологами и экстрасенсами. «Она одна может меня „держать“». Только с ней ему было интересно, а когда он оказывался один, переливавшийся всеми красками мир безнадежно тускнел. Джон Леннон оставил не только неоценимое музыкальное наследие, но и свою особую философию. Его философские максимы наполняют книгу. «Главное дело — плыть против течения, какое бы оно ни было! Только тогда есть шанс создать что-нибудь новое». Он размышляет о религии, о карме, о Будде, о Христе и христианстве «тогда и теперь». «Никто бы не согласился ютиться в катакомбах из-за того, что говорится сегодня с амвона». В кругосветном путешествии читает книгу Э. Ренана «Жизнь Иисуса» и комментирует ее, проводит параллели между собой и Иисусом Христом. «Похоже, у нас с Иисусом больше общего, чем у папы римского с Ним». Его допекают таинственные голоса. Голоса грозят ему убийством, и Леннон все время просчитывает, кто же хочет его убить. Банда Пресли, «свора Элвисовых подручных»? Двойников Пресли он встречает повсюду. К уже покойному американскому идолу Элвису Пресли у Леннона много претензий. Король рок-н-ролла растолстел (сам Леннон строго следует диете), перестал сочинять песни, но читал святое Евангелие со сцены. А главное — восхищался ФБР, продался Никсону и писал доносы на «Битлз». «Рок-идол, предлагающий свои шпионские услуги власть имущим, до макушки погрязшим в коррупции». Или преследователи Леннона «Никсон с никсонятами», спецслужбы США? Многим политически активный Джон Леннон неудобен. А возможно, это самая христианнейшая организация в мире, Ку-клукс-клан, затаившая гнев на певца, что еще в начале 60-х годов, в пик славы, обронил со сцены: «„Битлз“ популярнее Христа» Последствия фразы отзывались долго. Или фанат, попавший под влияние недругов певца? И Леннон рисует себе психологический портрет некоего Марка Че, своего будущего убийцы. На протяжении всего повествования Леннона не оставляет страх за сына и Йоко и предчувствия: «А если какой-нибудь полоумный возьмет да и выстрелит в тебя прямо на улице»; «В следующий раз, когда какой-нибудь „поклонник“ попросит у меня автограф, я буду продырявлен с близкого расстояния, а чернила станут красными от крови». 8 декабря 1980 года Леннона не стало. В этот день поздно вечером недалеко от своего дома в Нью-Йорке его смертельно ранил психически больной поклонник Марк Дэвид Чепмен, которому всего за несколько часов до этого певец оставил автограф на пластинке «Double Fantasy». Полицейские примчались буквально через минуту. Ловить убийцу им не пришлось: Марк Чепмен сидел под фонарем на асфальте и читал свою любимую книгу — роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи». В послесловии Инна Быкова пишет: «События и имена перетасованы и расположены в нужном порядке — так, чтобы получился определенный узор. Там, где источники многозначительно умолкали, меня выручало так называемое автоматическое письмо. В романе приведены отрывки из песен и интервью Джона Леннона в моем переводе. Все прямые цитаты наделены кавычками. Диалоги являются плодом фантазии автора». Не документальное повествование, роман, в основу которого легли сотни источников. «Русский след» — фрагменты русских крылатых фраз: «Как много

в этом звуке», «Повинную голову меч не сечет», «Марш, марш вперед, рабочий народ». А также предположения о вероятности знакомства Леннона с творчеством Высоцкого, и впервые о возможной встрече Леннона с Р. Нуриевым, который был его соседом по дому. И попытка ответить на вопрос: почему же Леннон решает ничего не предпринимать, чтобы избежать «современного вида распятия» (выражение Леннона) вечером 8 декабря 1980-го?

Альфонс Паке. В коммунистической России. Письма из Москвы.

Пер. с нем. Н. Власова. СПб.: Евразия, 2021. — 288 с.

Альфонс Паке (1881—1944), немецкий поэт и публицист, в качестве корреспондента «Франкфуртер цайтунг» пробыл в России с конца июля по конец ноября 1918 года. Он стал первым немецким журналистом, допущенным в Москву с 1914 года. Паке, хорошо знавший довоенную «золотую Москву», поначалу испытал глубочайший шок, оказавшись в атмосфере голода, разрухи и террора. Пустынные улицы. «Ворота раскрыты настезь, и в них видны запущенные садики, облупленные флигеля, грязные дворы с заржавленными экипажами и пустыми конюшнями. Дворцы, украшенные арабесками, прямоугольные новые каменные пятиэтажные здания как будто изрыты оспой — это следы уличных боев... В зеркальных витринах сияют круглые дыры, окруженные лучами разбитого стекла. На бульварах — почерневшие развалины домов... Теперь под празднично смеющимися люстрами дворянских домов, под драгоценными картинами, украшающими обитые шелковыми обоями стены, среди подавляющей роскоши бильярдных зал заседают пролетарские продовольственные комитеты или пишутся иероглифы декретов. В новых многоквартирных домах, спешно очищенных, размещаются солдаты. На балконе рядом с изящнейшим серебряным самоваром стоит миномет... Это скованный город, в котором нет никакой торговли, который бездельничает и обезлюдевает и не может стать ничем иным, как солнечными часами веков». На пять месяцев его жизни в большевистской России пришлось такие события, как убийство графа Мирбаха, путч левых социалистов-революционеров против советского правительства, покушение на Ленина, «красный террор» и, наконец, саботаж Брестских договоров в отношении Германии и отказ от этих договоров при первом же известии о Германской революции. В отправляемых в Германию статьях А. Паке сообщал подробности нападения на немецкого посла и аристократа Мирбаха, молодого блондина 47 лет с голубыми глазами и узкой лысеющей головой. Делился впечатлениями о «побоище» между сторонниками Спиридоновой и Ленина на V Всероссийском съезде Советов (4—10 июля, 1918); о Ленине — бледный и умный лоб, глядящие вдаль маленькие глаза, твердость улыбающихся губ и покатый затылок; о Свердлове — морщинистое, чернявое, скорее татарское, чем еврейское лицо. Он живописал трагическую фантазмагорию, разворачивающуюся перед его глазами: всеобщая нужда, рост разбойных нападений, обыски, аресты, конфискация квартир, реквизиции и как апофеоз — «большая Варфоломеевская ночь» в ответ на убийство Урицкого и покушения на Ленина, массовый «красный террор». Рассказывал о борьбе «красного союза» рабочих и крестьян против «белого блока», о положении на фронтах, о вмешательстве Антанты в происходящее в России. Он освещал ситуацию в деревне — крестьянский вопрос, печальные судьбы российской прессы, русской Церкви, торговую политику народных комиссаров. «Каждый день власти в Советской России влечет за собой и гибель материальных ценностей, полезных знаний, хорошо зарекомендовавших себя учреждений, которые будущим поколениям предстоит создавать заново», — писал он. Отдельная статья посвящена русским женщинам и разнообразию женских типов в России: женщины-террористки, политические фанатички, но также и женщины-служащие, и даже женщины-солдаты. Он полностью приводит постановление саратовского Сво-

бодного союза анархистов об отмене частной собственности на женщин и правилах «пользования» ими. «Под руинами буржуазного брака оказывается похороненной вечная истина, духовная связь мужчины и женщины, глубочайшая проблематика и искусство любви», — считал он. А. Паке рассказывал, как отмечалась годовщина Октября и как осуществлялся демонтаж памятника императору Александру III у храма Христа Спасителя. Особое внимание уделяет эсеровскому путчу в Ярославле (июль, 1918), завершившемуся гибелью цветущего города, арестом восставших и расстрелом более 350 граждан. В это время в Ярославле работала германская комиссия по делам военнопленных и интернированных, прибывающих из глубинки России. Три тысячи немцев, приехавших из Уфы, полторы тысячи в бараках ожидали отправки. А. Паке рисует выразительные портреты лидеров русской революции в действии. Ленин, в котором «соединились неподкупный идеализм идеолога, практический опыт государственного деятеля и типично провинциальная русско-татарская хитрость». Дзержинский, русский Сен-Жюст, фанатик, кто, «вероятно, подписал в России больше всех смертных приговоров и, несмотря на все слезы и проклятия, оставался более неумолимым, чем любой смертный до него». Вместе с тем он — «прирожденный начальник полиции, хладнокровный, бдительный и хитрый», создатель «своеобразного воинства инквизиторов, одетых в черные кожанки». Троцкий в процессе создания Красной армии, Луначарский во главе культурного процесса. А. Паке анализирует отношения Германии и Антанты, Германии и Украины, России и Украины. Особо интересуется перспективами российско-германских экономических, политических, военных отношений. Жанры статей разнообразны: от художественного очерка до геополитической аналитики, от криминальной хроники до путевых заметок. Через несколько месяцев после возвращения на родину А. Паке опубликовал свои статьи в виде книг «В коммунистической России. Письма из Москвы» и «Дух русской революции». Его статьи можно рассматривать как своего рода предостережение для немцев: создавая портрет новой, Советской России с ее отталкивающими и завораживающими гранями, он стремился показать соотечественникам, что любые необдуманные и поспешные суждения могут кончиться диктатурой и бедствиями. Это первая публикация работ Паке у нас, в СССР по политическим причинам они никогда не переводились. А. Паке часто ошибался, пользовался непроверенными слухами, выхватывал события, не догадываясь об их контексте. Многочисленные ошибки, неточности, умолчания или недоразумения потребовали сотни комментариев, как фактических, так и концептуальных.

Ксения Малич. Николай Митурич. Ленинградский архитектор. СПб.:

Издательство Европейского института в Санкт-Петербурге, 2020. — 118 с.: ил.

У ленинградского архитектора Николая Митурича (1891—1973) была невероятно насыщенная творческая жизнь, отвечающая новаторским исканиям петроградских-ленинградских зодчих в период первых послереволюционных десятилетий. Но творчество его до сих пор оставалось практически неизученным. Книга петербургского искусствоведа Ксении Малич — первое исследование творчества мастера. В 1924 году Н. Митурич окончил Ленинградский институт гражданских инженеров и поступил в мастерскую своего учителя А. Никольского. Под руководством А. Никольского принимал участие в конкурсе проектов на памятник Ленину перед Финляндским вокзалом (1924, не реализован), занимался оформлением праздника «День текстильщика» (1924), работал над первым вариантом проекта стадиона на Крестовском острове (1932). С середины 1920-х годов в рамках пропаганды социалистического образа жизни партийное руководство Ленинграда сделало ставку на физкультурное движение. В городе открывали парки культуры и отдыха, сады приспособляли для проведения соревнований, концертов, игр. Там строили типовые спортивные павильоны, тир, летние

кинотеатры и музыкальные эстрады, которые закреплялись за профессиональными объединениями и заводами. Малые архитектурные формы для садов и парков, а также театр, массовые городские праздники, временные объекты вплоть до конца 1920-х годов стали экспериментальным полем для Митурича и его коллег и первой площадкой для апробации приемов конструктивизма: смелых цветовых сочетаний и непривычных конфигураций. Под руководством Митурича были спроектированы десятки подобных сооружений. Работы Митурича 1920-х годов — самые жизнерадостные, разнообразные и яркие. Большинство построек погибли в годы войны. Митурич создавал не только архитектурские проекты, но и комедийные пьесы, шаржи, эскизы костюмов, сценографии для экспериментальных спектаклей. В конце 1920-х — начале 1930-х годов актуальным становится возведение рабочих клубов и домов культуры. Первое самостоятельное клубное здание Митурич построил совместно с В. Макашовым для Союза рабочих слаботочной электропромышленности — Клуб металлистов имени Орлова при заводе «Светлана» (1927—1928, разрушен во время Великой Отечественной войны). В нем располагались не только театральная часть и кинозал, но и небольшие помещения для игр, репетиций, многочисленных кружков, столовая. Затем последовал Ульяновский Дом культуры в Саблине для работников химической промышленности (здание не сохранилось). В 1920—1930-е годы начинается многолетнее и плодотворное сотрудничество Митурича с ленинградским Профсоюзом торговых служащих, и именно Митурич спроектировал Клуб совторгслужащих, построенный на углу улицы Декабристов и Крюкова канала в 1929—1930 годах. В ДК были зрительный зал на три тысячи мест, лектории, клубы по интересам, детский кинотеатр «Веселые ребята». Через год ДК присвоили имя Первой пятилетки. После войны этот конструктивистский объект было решено перестроить в формах, более подходящих для исторических кварталов. Реконструкцией занимался сам Митурич, он изменил фасады здания в духе сталинского классицизма, обогатил их классическим декором и коринфским портиком. В 2005 году Дом культуры Первой пятилетки снесли в связи со строительством Второй сцены Мариинского театра. Среди несохранившихся зданий, выстроенных по проектам Митурича и достойных стать памятниками конструктивизма, ДК имени Кирова в Мурманске (сгорел в 1942 году в результате налета немецкой авиации), железнодорожный вокзал в Хибиногорске (современный Кировск). В Кировске вокзал был местной достопримечательностью и центром притяжения горожан. Здесь располагались магазины, просторный и удобный зал ожидания, ресторан. В 1990-е годы вокзал закрыли, железнодорожные пути разобрали, и в здании случился пожар. Остался лишь остов. До наших дней уцелело всего одно творение Митурича — это бывший театр имени Ленинского комсомола в Ленинграде (ныне в Петербурге — «Балтийский дом»), в Александровском парке на Петроградской стороне. К. Малич подробно рассказывает историю строительства здания, выполненного с применением ампирических приемов, о богатом декоративном убранстве: мраморный фонтан в фойе, огромные люстры, скульптурные тимпаны. Строительство было завершено в 1939 году, и по сей день здание остается вторым по величине драматическим театром в нашей стране, уступая лишь Московскому театру Советской Российской армии. Театр открылся 24 октября 1939 года постановкой пьесы «Джон Рид» в декорациях Н. Митурича. Митурич стал главным художником и заведующим художественно-постановочной частью нового театра. Что естественно, он с 1924 года сотрудничал с Красным театром, влившимся в театр Ленинского комсомола. В годы Великой Отечественной войны Митурич возглавлял кафедру противовоздушной маскировки Военно-Морской академии. После войны продолжил работу в Стройкоме, занимался реконструкцией и оформлением интерьеров театральных зданий, вплоть до конца 1960-х годов руководил художественным отделом фабрики «Театрально-художественной мебели». Работа Митурича в основном была связана с проектированием интерьеров и мебели: театрам требова-

лись большие партии кресел для театральных залов, обстановка для рекреаций и фойе. В книгу помещены уникальные материалы из личного архива архитектора. Впервые публикуется более ста документов: фотографии, архитектурные проекты, эскизы мебели, театральная сценография, а также дневник и рисунки, созданные в ходе поездки Митурича на фронт во время Первой мировой войны. Митурич начал активно работать в период триумфа архитектурного авангарда и прошел путь от конструктивизма, от архитектурных экспериментов к классическому наследию, непосредственно участвуя в формировании нового этапа местной неоклассической традиции города на Неве. Его творческая судьба показательна для понимания противоречивой эпохи межвоенных десятилетий в истории русской архитектуры, особенно ленинградской школы.

Андрей Мысько, Виктор Станковский. Путешествие в Выборг и его окрестности с путеводителем К. Б. Грэнхагена, или Финляндский вояж господ из С.-Петербурга В. Станьковского и А. Мысковского летом 1914 года. СПб.: Инкери, 2020. — 112 с., ил., карты.

Это очень необычный путеводитель, составленный современными авторами с опорой на книгу, найденную в букинистической лавке. Июль 1914 года. Два господина, Станьковский и Мысковский, планируют скандинавский вояж, намечают оптимальный маршрут в агентской конторе по продаже билетов господина Я. Хеккерта. Их путь начинается на Финляндском вокзале, и пока за окном мелькают железнодорожные станции, один из путешественников изучает «Спутник по Финляндии», популярнейший в начале XX века путеводитель К. Грэнхагена, неоднократно переизданный. Пятьдесят страниц из путеводителя, воспроизведенные репринтным способом, перемежаются с записками наблюдательного путешественника. К. Грэнхаген сообщает обо всех станциях по маршруту Санкт-Петербург–Выборг. Его информация рассчитана главным образом на дачников, съезжающих на лето из Петербурга на Карельский перешеек. Обширный дачный район начинается с 11-го километра от Санкт-Петербурга, в Шувалово. Наиболее густо заселены дачниками Олила, Куоккала, Келломяки, Териоки (соответственно Солнечное, Репино, Комарово, Зеленогорск). Сухой песчаный берег залива с морским купанием, сосновый лес и здоровый воздух привлекают сюда на лето большое число петербургских жителей. Наихудшие условия, по мнению автора, в Териоки: «отсутствие красивых и удобных мест для прогулок, а также дороговизна жизненных продуктов являются весьма ощутительными неудобствами для дачной жизни». К. Грэнхаген скрупулезно повествует обо всем, что может интересовать дачников. О микроклимате, о прогулочных местах, природных достопримечательностях, характере растительности, водоемах. Он пишет обо всех удобствах и неудобствах поселков: сколько стоит снять дачу, какие есть лавки в поселке, какие развлечения. Он даже указывает, что посещение буфета в Териоках обойдется в 49 копеек. Подробно расписаны условия содержания, цены в санатории для чахоточных в селении Новая Кирка на берегу озера Халилен-ярви. Попасть туда можно было по заявлению в Собственную Его Величества канцелярию с приложением медицинской справки. Карл Грэнхаген (1865–1944) — российский и финский общественный деятель, отставной капитан, литератор и художник, один из авторов статей Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. В путеводителе прочитывается его политическая позиция: в первую очередь он финский патриот, отстаивающий интересы автономного Великого княжества, поборник просвещения, выступающий против русификации страны. Он подробно (несколько страниц) рассказывает о действующей в селе Новая Кирка высшей народной школе, о состоянии школьного образования в Финляндии, о важности образования для финского народа, о пользе совместного обучения девиц и юношей. Немало страниц посвящено истории края, начиная с тех времен, когда «в бывшем здесь

урочище велась оживленная торговля с полудикими карелами, занимавшимися звероловством». Он пишет о противоборстве новгородцев и шведов, о кровавом крещении насельников-язычников в католическую веру, о земле, познавшей не одну войну и неоднократно менявшей «гражданство». В 1710 году Выборг с крепостью, основанной шведами в 1293 году, взял Петр I, Карельский перешеек перешел под владычество российской короны. В 1809 года Финляндия вошла в состав России. К. Грэнхаген дает оценку реформам царского правительства на протяжении XIX века и их последствиям для развития торговли, промышленности, просвещения края. Неоднократно сетует, что из России товары идут в Финляндию беспошлинно, финские же товары, идущие в Россию, облакаются высокими пошлинами. Расцвет Выборга начался в 1856 году со строительством Сайменского канала, затем порта и железной дороги, в 1892 году в городе появился водопровод, затем канализация, электричество. Немало сказано о событиях 1905–1907 годов: аресты русских эмигрантов в Териоки, деятельность русской администрации, взявшей в тиски общественную жизнь, финские партии в период брожения и после — финская, шведская, социал-демократическая. Революционные события имели последствия для пересекающих русско-финскую границу. Если раньше поезд в пограничном Белоострове стоял 2–3 минуты, то теперь паспортный контроль и таможенный досмотр занимал до получаса. «Пассажиры, без различия пола и их общественного положения, иногда без всяких причин приглашаются для обыска в жандармскую комнату, причем, за неимением паспорта, они подвергаются временному задержанию впредь до выяснения их личности. Составление протокола о незаконном задержании, а равно и жалобы не имеют практического значения». Свой путь до Выборга путешественники проделали за четыре часа. Исчерпывающие сведения о городе они получили из путеводителя: цены в гостиницах, расписание поездов, паровых катеров, трамваев, пароходов. А также адреса кафе, кондитерских, почты, аптеки, купален, бани. Все, что надо путешественнику. К. Грэнхаген предупреждал: «Не отличаясь изяществом своих построек и сохраняя внешность обыкновенного губернского города, Выборг может похвастаться красивым местоположением, обилием вод и восхитительными окрестностями. Во всем городе едва ли можно насчитать десяток красивых зданий. Площади маленькие, садов немного, дома преимущественно деревянные. Однако в последнее время Выборг начинает застраиваться, и внешность его с каждым годом заметно улучшается». Путешественники увидели безукоризненно чистый город, город многонациональный, где в ресторане официант говорит на четырех языках: финском, русском, шведском и немецком. Поразило отсутствие пьяных на улицах. По сравнению с Петербургом «в городе царило ощущение уюта, порядка, доброжелательности, безопасности... И если считать губернский Выборг провинцией, то это самая передовая провинция из всех окраин Империи, какую друзьям приходилось видеть». Достопримечательности Выборга, его окрестностей можно увидеть дважды: глазами К. Грэнхагена и глазами путешественников. В качестве иллюстраций использованы дореволюционные почтовые открытки с видами местностей на пути между Санкт-Петербургом и Выборгом, самого Выборга и его окрестностей, а также проспекты с расписанием поездов, ценами билетов.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)